

С. Шахновская

Вопросы современного денежного обращения

(В связи с контрольными цифрами Госплана СССР на 1928/29 год)

I

Чем острее хозяйственные затруднения, тем больше придается значения обобщениям, способным явления денежного обращения обективировать, вставить в рамки некоторой закономерности и указать ближайшие пути их развития. Наблюдая обсуждение основных вопросов денежного обращения в нашей финансово-экономической литературе, прежде всего, приходится констатировать полное отсутствие методологического единства в определении понятия „инфляции“ и резкое расхождение взглядов по существу вопроса. Если объединить различные оттенки и направления, то можно будет формулировать три группы точек зрения: 1) „у нас уже есть инфляция“ со всеми вытекающими отсюда последствиями; 2) „у нас еще нет инфляции, но есть угроза ее“; 3) „у нас нет инфляции“.

Представители первой группы рассуждают, примерно, так: истекший 1927/28 год был годом „завязывания“ средств краткосрочного кредита, пошедшего на перевыполнение планов по капитальному строительству, — „на излишнее удовлетворение потребностей“; на „завязывание“ средств в кооперации, контрактации, авансовых кредитах. При этом они утверждают, что во всех этих случаях эмиссия не идет на кредитование здорового товарооборота. Кроме того, в качестве общих показателей, выражающих „инфляцию“, выдвигается: „обострение разного рода диспропорций“, „ослабление позиций социалистического сектора“, „неснижение общего индекса цен“, „повышение частного индекса цен“, „повышение хлебных цен“, как „уступка капитализму“, а также „товарный голод“, когда „деньги голодные“, наподобие „лотерейного билета“, когда крестьянские покупки падают, а еще более продажи, когда, в конечном счете, имеет место пошатнувшееся состояние кредитной системы, неплановое регулирование колебаний денежной массы со стороны Госбанка и падение золотого обеспечения эмиссии.

На первый взгляд приведенная сумма признаков „инфляции“ весьма показательна и может внушать тревогу за судьбу устойчивости валюты.

Если теория „инфляции“, исходящая из так называемого „завязывания“ средств, уже стара, то — как теория „излишнего удовлетворения потребностей“ и „уступки капитализму“ — она еще нова.

У нас, прежде всего, возникает вопрос о самом факте наличности „инфляции“ — имеет ли место инфляция в конкретной действительности Советского Союза? По нашему мнению, даже отрицательный ответ на поставленный вопрос не снимает, однако, разбираемой проблемы. Отсюда вытекает необходимость, хотя бы в общих чертах, формулировать сущность „инфляции“ и уяснить себе специфическую особенность ее в наших условиях.

II

Вскрытие основных закономерностей, лежащих в основе равновесия нашей денежной системы, вскрытие основных условий развития „инфляции“ дало бы возможность более правильно решать всю сумму вопросов, связанных с эмиссионной политикой и эмиссионными возможностями.

Факт регулирования денежного обращения в условиях, когда расширенное воспроизводство народного хозяйства протекает по плану, обуславливает преимущества нашей денежной системы перед капиталистической, а сокращение непроизводительного потребления способствующее более быстрому темпу развития всего народного хозяйства, облегчает эту задачу.

В принципе, в условиях планового хозяйства не заложены основания для „инфляции“ бумажно-денежного обращения. Однако, отдельные плановые просчеты и ошибки могут открыть щель для явлений „инфляции“ и прежде всего — на стыке обобщественного и частного секторов. Нормальный товарооборот может протекать лишь на основе взаимного соответствия величины денежной массы и денежного выражения товарной массы. Теоретически вполне допустимым является процесс перенасыщения каналов обращения платежными средствами по сравнению с нормальной в них потребностью наличного оборота, что есть не что иное, как возможность „инфляции“. В условиях капиталистической системы хозяйства при бумажно-денежном обращении, не обеспеченном свободным разменом на золото по фиксированному курсу, этот процесс создает „инфляцию“, т.е. обесценение денежной единицы, что является не чем иным, как всеобщим повышением товарных цен. Возрастание товарных цен с увеличением денежной массы в обращении является „только насильственным осуществлением в процессе обращения закона, механически нарушенного извне“ (Маркс).¹ Взвесить в каждый данный момент относительную роль увеличения денежной массы и сокращения товарной в повышении товарных цен в действительности, однако, весьма трудно.

¹ Карл Маркс, „К критике политэкономии“, 1907 г., стр. 111—113.

В условиях СССР, где имеет место преобладание регулируемого рынка, повышение товарных цен (повышение оптового индекса, а также розничного бюджетного индекса, который на 70—75% регистрирует покупки в кооперативной и государственной торговле) является результатом плановой политики, учитывающей совокупность факторов и тенденций, намечающихся в социально-экономической жизни страны.

Следовательно, это возрастание цен не есть стихийная реакция процесса обращения и не является необходимым признаком „инфляции“.

Для нас существенно важно отметить то, что регулированием цен, денежного обращения, валютного рынка, торгового и платежного баланса, учетного процента и т. п. создается возможность предотвращения и пресечения в корне инфляционных процессов.

Уже одно это обстоятельство дает основания утверждать, что „инфляция“ в ее классическом выражении — обесценения денежной единицы при всеобщем повышении товарных цен — здесь не должна иметь места. Лишь в случае резких сдвигов в соотношениях социальных секторов в направлении возрастания роли частного хозяйства, когда всеобщее повышение товарных цен является „только насильственным осуществлением закона, механически нарушенного извне“, возможность „инфляции“ превращается в реальность ее. Образующиеся тогда инфляционные явления, идущие от частного сектора, могут проявляться в резком повышении частного индекса цен, а отсюда бюджетного и розничного индекса, в повышенном спросе на дефицитный товар (обострение товарного голода); на валюту, в повышении частного дисконта при „избытке“ средств и podobных явлениях, по преимуществу, спекулятивного характера. Отсюда только в случае возрастающего значения частного сектора и ослабляющего воздействия экономической политики на элементы стихийности его, инфляционные явления могут ударить по регулированию денежного обращения, товарного рынка и покупательной способности червонца.

Вполне понятно, что из непонимания самой постановки вопроса могут возникать бесчисленные и малограмотные теории „инфляции“.

Однако, большинство из них знаменательны прежде всего тем, что скрывают за теоретическими постулатами без труда обнаруживаемые политические намерения.

Для того чтобы подойти к наиболее правильной их оценке, необходимо произвести не только статистический, но и социально-экономический анализ хозяйственной обстановки страны в следующих трех разрезах:

1) Какими объективными факторами детерминировалась эмиссионная политика истекшего 1927/28 г.? Действительно ли эмитированные кредиты пошли на перевыполнение плана по капитальному строительству, а не явились удовлетворе-

нием здоровых потребностей расширяющегося производства и товарооборота. Носила ли эмиссия инфляционный характер?

2) Действительно ли имели место столь сильные обострения диспропорций и ослабление позиций социалистического сектора в отношении частного и частно-капиталистического, что неизбежным следствием их должна была явиться „инфляция“?

3) В какой мере товарный голод и повышение цен свидетельствуют о наличии „инфляции“?

III

Факты и цифры, хотя еще и весьма предварительные, говорят о следующем.

Запроектированное по промфинплану капитальное строительство промышленности, планируемой ВСНХ Союза в размере 1.240 млн. руб. на 1927/28 г. с последующими дополнениями, достигло 1.295 млн. руб., что перекрывалось за счет сверхсметного накопления, больших ассигнований по бюджету и банку долгосрочного кредитования.

Выполнение же плана капитального строительства ожидается в размере 1.335 млн. руб.

Спрашивается за счет каких источников финансирования может быть покрыта эта сумма? Факт перевыполнения плана капитальных вложений налицо (на сумму порядка 40 млн. руб., а от первоначально запроектированного на сумму порядка 100 млн. руб.), объяснимый, в первую очередь, неснижением строительного индекса на заданные 15%. Это обстоятельство дает основания некоторым представителям правого уклона (т.т. Фрумкину, Шанину), весьма панически настроенным, утверждать, что единственным источником „избыточного финансирования“ явилась эмиссия. Однако, хотя и по ориентировочным данным (а только такими данными мы в настоящий момент можем располагать) картина рисуется совсем в другом виде.

Источники финансирования капитального строительства промышленности в 1927/28 г. следующие:

	В млн. руб.
Госбюджет	347
БДК	160
ЦКБ	72
Местный бюджет	38
Всего долгоср. финансов . . .	617
Свободный остаток амортизации .	412,5
Свободный остаток прибылей . . .	305 ¹
Всего внутрпром. накопл. . . .	717,5
Итого	1.334,5

1 265 млн. руб. из расчета ожидаемой прибыли на сумму 812,6 млн. руб. и миллион 305 млн. руб. из расчета ожидаемой прибыли на сумму 900 млн руб.

Таким образом, ожидаемое выполнение капитальных вложений в размере 1.334,5 млн. руб. покрывается полностью и без учета иностранных кредитов. Если же учесть последние, то оно покроеется даже при меньшей сумме свободного остатка прибылей.

Простая арифметика говорит за то, что «увязывания» эмиссии на капитальное строительство в размере 150—170 млн. руб. (сумма перебора промышленности по краткосрочному кредиту), как это поверхностно и совершенно необоснованно утверждают, — быть не могло. Превышение плана по краткосрочному кредиту падает на оборотные средства промышленности, почти исключительно на текстильную и кожевенную отрасли, по преимуществу по статье товаров и сальдо дебиторов. Текстильная промышленность, которая своевременно была обескровлена тем, что ее мобильные средства были переданы на усиление капиталов и вкладов банка долгосрочного кредита, получила львиную долю, около 90—100 млн. руб. банковского кредита (в том числе на контрактацию технических культур).

Предполагать, что часть этих средств пошла на перерасход по капитальным работам у нас нет достаточных оснований, ибо ожидаемая прибыль значительно выше запроектированной и могла быть использована на это дело.

В равной мере нет никаких оснований говорить о «завязывании» эмиссии в кооперации в пределах, выше объективно необходимых, ибо в кооперации за истекший год было сравнительно благополучное финансовое состояние.

Следовательно, можно констатировать, что в 1927/28 г. — с сосредоточением краткосрочного кредита в Госбанке и организацией БДК — начинается процесс заметного оздоровления и сильного сокращения «завязывания» краткосрочного кредита на долгосрочные нужды (капитальное строительство).

Поэтому выступления, подобные тем, которые причину «инфляций» находят в высоком темпе развития капитального строительства, нельзя иначе рассматривать, как попытку в связи с хозяйственными затруднениями навязать партии политику пересмотра и снижения темпа индустриализации. Запугивание «инфляцией» есть один из маневров со стороны представителей правого уклона.

Если высокий темп развития капитального строительства не сообщает эмиссии инфляционного характера, то, быть может, она его приобретает от избыточного кредитования промышленности, сельского хозяйства, контрактации, сырьевых заготовок и т. п.

Увеличению эмиссии на сумму в 323,5 млн. руб. по балансу Госбанка противостоят кредитование сырьевых заготовок, примерно, на сумму в 120 млн. руб. (подтоварные ссуды на эту сумму); финансирование хлебных операций, примерно, на сумму в 43,5 млн. руб.; контрактации и закупки хлеба на корню, примерно, на сумму

в 157 млн. руб.¹ (вексельные операции на эту сумму) и увеличение трехмесячных торговых векселей.

Таким образом, о степени ликвидности банковской эмиссии может свидетельствовать, прежде всего, ликвидное обеспечение (товары, хлеб), примерно, на сумму в 160—165 млн. руб. Остальную сумму в 160 млн. руб. можно найти из ликвидного вексельного обеспечения.

Что касается снижения металлического обеспечения, то оно не отразилось на устойчивости нашей денежной единицы, благодаря особой природе денежной системы в наших условиях, и лишь привело к необходимости изменения строения денежной массы.

На 1/X 1927 г. банкнот Государственного банка было 60,8% всей суммы денежной массы в обращении; на 1/I 1928 г. — 60,1%, 1/IV 1928 г. — 60,0%, 1/VII 1928 г. — 59,9%, 1/X 1928 г. — 54,0%. Соответственно, казначейская валюта выразилась на 1/X 1927 г. — 39,2%, 1/I 1928 г. — 39,9%, 1/IV 1928 г. — 40,0%, 1/VII 1928 г. — 40,1% и 1/X 1928 г. — 46,0%.

Если обратиться к явлениям, имевшим место в промышленности, то и здесь мы находим известные доказательства ликвидности эмитированных кредитов. В связи с ростом продукции растет нужда промышленности в оборотных средствах. В связи с этим, а также с произведенным в истекшем году перераспределением оборотных средств между тяжелой и легкой промышленностью, растет роль краткосрочного кредита в оборотных средствах промышленности. Банковский кредит не менее ликвиден, чем прочие кредиты, и по отдельным отраслям промышленности, например, по текстильной, которая получила около 50% всего прироста банковского краткосрочного кредита, он обеспечен готовыми товарами, примерно, на 32% (по предположительным данным на 1/X 1928 г.).

Для характеристики ликвидности эмиссии следует также указать на то, что в первой половине истекшего года был возврат средств, выданных в последнем полугодии 1926/27 г. на контрактацию, сырьевые заготовки и т. п. Здесь заложены элементы сезонного регулирования, что не свидетельствует о нездоровом направлении эмиссии.

Если взять отношение всего годового оборота эмиссии (полученного путем сложения поквартальных выпусков и изъятий) к приросту эмиссии за год, то оно будет такое:²

1923/24 г.	286,9/281,9 = 1,0	1926/27 г.	451/298,4 = 1,5
1924/25 г.	436/424,7 = 1,0	1927/28 г.	637,3/323,5 = 2
1925/26 г.	385,6/226 = 1,7		

¹ В том числе 75 млн. руб. на контрактацию технических культур

« » 45 « » « » зерновых «
 « » 7 « » « » озимую кампанию
 « » 30 « » « » закупку хлеба на корню

Итого . . . 157 млн. руб.

² Исчисления работника Бюдж.-Фин. секции Госплана СССР А. А. Чернецкого.

Если же взять аналогичное отношение денежной массы к приросту денежной массы за год, то оно будет следующее:

1923/24 г.	345,2/345,2 = 1,0	1926/27 г.	477,6/337,0 = 1,4
1924/25 г.	515,7/515,7 = 1,0	1927/28 г.	642,1/343,1 = 1,8
1925/26 г.	337,2/217,6 = 1,6		

Выпуски и изъятия эмиссии (в млн. руб.)
(По балансам Госбанка)

Годы	I квар.	II квар.	III квар.	IV квар.	За год	Оборот за год
1923/24	+ 45,0	+ 58,0	+ 49,5	+ 34,4	+ 286,9	286,9
1924/25	+ 74,1	- 5,7	+ 74,4	+ 231,9	+ 424,7	436,1
1925/26	+ 119,8	- 75,1	- 4,7	+ 186,0	+ 226,0	385,6
1926/27	+ 72,2	- 76,3	+ 126,2	+ 176,3	+ 298,4	451,0
1927/28	+ 45,4	- 156,9	+ 152,8	+ 282,2	+ 323,5	637,3

Выпуски и изъятия денежной массы (в млн. руб.)
(По данным «Финансовой статистики»)

Годы	I квар.	II квар.	III квар.	IV квар.	За год	Оборот за год
1923/24	+ 39,9	+ 71,6	+ 92,0	+ 141,7	+ 345,2	345,2
1924/25	+ 115,5	+ 23,0	+ 80,4	+ 296,8	+ 515,7	515,7
1925/26	+ 132,8	- 59,8	+ 10,0	+ 134,6	+ 217,6	337,2
1926/27	+ 63,0	- 70,3	+ 135,7	+ 208,6	+ 337,0	477,6
1927/28	+ 39,5	- 149,5	+ 182,8	+ 270,3	+ 343,1	642,1

Если же взять отношение ежегодно возвращающейся эмиссии к общей сумме выпуска эмиссии за год, то оно будет такое: за 1923/24 г. — 0, 1924/25 г. 0,013, 1925/26 г. — 0,3, 1926/27 г. — 0,25, 1927/28 г. — 0,46 и отношение ежегодно возвращающейся суммы денежной массы к приросту денежной массы за год тоже будет следующее: 1923/24 г. — 0; 1924/25 г. — 0; 1925/26 г. — 0,28; 1926/27 г. — 0,20; 1927/28 г. — 0,45.

Все эти сопоставления рельефно рисуют увеличение коэффициентов, свидетельствующих о росте «эластичности» и ликвидности эмиссии.

Изъятие в 149,5 млн. руб., произведенное Госбанком во втором квартале истекшего года, свидетельствует также о том, что наш эмиссионный банк владел колебаниями денежной массы, а следовательно, регулировал денежное обращение, что не могло иметь места при наличии инфляции. Правда, не надо упускать из вида того обстоятельства, что денежная масса для своего воздействия на народное хозяйство в целом требует довольно продолжительного времени. В прошлые годы происходило некоторое «завязывание» средств в долгосрочные нужды, имели место и всякого рода авансовые векселя, что в состоянии в какой-то мере понижать ликвидность эмиссии истекшего 1927/28 г., поскольку эмитированные кредиты в этой части пошли не для обслуживания товарооборота, а для насыщения каналов денежного обращения страны.

Но этому противостоят такие факторы, как развитие заемных операций, накопление в сберкассах и т. п.

Приняв во внимание всю совокупность изложенных факторов, надо признать, что эмиссия не носила инфляционного

характера и была в большей или меньшей степени ликвидна.

В корне неверно и то представление, будто у нас есть инфляция и будто она является следствием обострения диспропорций, приведших к ослаблению социалистического сектора в отношении частного и частично-капиталистического и повышению хлебных цен, как уступка кулаку (троцкизм). Итоги пройденного пути, достаточно выясненные за последнее время, количественные и качественные показатели роста — говорят о другом. Наше хозяйство вступило в период социалистической реконструкции, период производительного развертывания и систематического наступления на путях индустриализации и обобществления на основе твердого бюджета и твердой валюты. При всем внимании к проблемам равновесия нашего хозяйства отдельные диспропорции и трудности истекшего года нельзя квалифицировать как общехозяйственный кризис, хозяйственное потрясение, нарушение основных линий развития на путях индустриализации и обобществления и нарушение смычки между городом и деревней.

Так, например, элементы товарного голода как в отношении средств потребления, так, еще более, в отношении средств производства, происходят в период, когда рост и укрепление промышленности, как социалистической командной высоты, совершенно очевидны.¹

Известные затруднения в области хлебозаготовок и хлебоснабжения, произведенное повышение хлебных цен, обострение классово-вой борьбы и известная консолидация капиталистических элементов происходят в период наступательного развертывания экономических основ диктатуры пролетариата, систематического укрепления позиций социалистического сектора, совхозного и колхозного строительства, коллективизации сельского хозяйства и неуклонного падения удельного веса частного сектора.²

Дело укрепления смычки между городом и деревней, осложненное вышеперечисленными трудностями, обеспечивается систематическим ростом экономических командных высот и укреплением политических опорных пунктов в деревне.

Беглый анализ этих хозяйственных затруднений показывает, каким недопустимым, грубым упрощением, искажающим действи-

¹ Рост производства крупной государственной промышленности значительно превзошел предположения контрольных цифр. Темп роста промышленной продукции в 1927/28 году по данным ЦОСа (22,5%) превосходит темп прироста в 1926/27 г. (18,2%).

² Следующие показатели свидетельствуют об этом (по контрольным цифрам Госплана СССР):

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Удельный вес части. хоз.			
В товарной массе	36,7%	32,7%	28,2%
В торговом-посреднич. обороте	24,3%	17,0%	9,3%
В численности лиц наемного труда	21,9%	21,7%	21,2%

тельность, является подобное сведение трудностей роста социалистической реконструкции к „ослаблению социалистического сектора“, к „уступке кулаку“ и „инфляции“.

Больше того, как сочетать эту концепцию троцкизма с ранее имевшими место рецептами использовать крестьянское накопление при помощи „эмиссионного“ налога, т.е. методами „инфляции“?

Не вдаваясь в детальный разбор этой теории и политики, временно весьма основательно раскритикованной и осужденной, следует только указать на то, что „сверхиндустриалисты“ сознательно допускали инфляцию, как метод финансирования капитального строительства промышленности. Осуществление этой политики на практике, т.е. пренебрежение валютной проблемой, задачей сохранения твердого рубля, равновесия финансовой системы, привело бы к размычке между рабочим классом и крестьянством, ибо частно-собственническое товарное хозяйство крестьянина, прежде всего, требует для своего развития твердости валюты.

Таким образом, переход от требования использования инфляции, как метода накопления, к прямо-противоположной позиции — паническому страху перед мнимыми признаками инфляции, — есть не что иное, как своеобразная смычка троцкизма с правым уклоном.

Такого рода стремления, из года в год повторяющиеся, оценивать переживаемые затруднения, как признаки инфляции, означают скрытые попытки проташить вредные для пролетариата теории пересмотра генеральной линии партии на индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства.

Попутно небезынтересно отметить, что теория инфляции, теория краха нашей валюты была создана буржуазными экономистами еще с начала нашей революции, в то время как для периода 1914—1917 гг. она ими не защищалась. Проиллюстрируем некоторые показатели, характеризующие инфляцию денежного обращения в России в период войны. Инфляция 1914—1917 гг., находя свое яркое выражение в общем росте цен, рельефно проявилась и в области кредита.

Характерными показателями при чрезмерном увеличении денежной массы в обращении¹ были:

1) непрерывный рост вкладов и текущих счетов (по всей кредитной системе они увеличиваются в среднем на 40—60% в течение года, в то время как перед войной средний годовой прирост вкладов равнялся 10—15%).

¹ На 1 января:

1913 г.	2.359	млн. руб.
1914 „	2.402,8	„ „
1915 „	3.226,5	„ „
1916 „	5.656,6	„ „
1917 „	9.231,7	„ „

2) Отставание роста учетно-ссудной операции от вкладной:

На 1 января	
1912 г.	1,31
1913 „	1,25
1914 „	1,25
1915 „	1,11
1916 „	0,95
1917 „	0,80

(отношения учетно-ссудной операции к вкладной по акционерным коммерческим банкам).

3) Сильнейшее сокращение вексельного оборота.

4) Низкий уровень учетного процента с тенденцией к стабильности.

Степень напряжения инфляции определилась, главным образом, мерой дефицитности бюджета и долей непроизводительных затрат в общей сумме расходов, покрываемых эмиссией (в активе балансов банков сильно возросли корреспондентские счета, обеспеченные ценными бумагами, и другие формы кредитования, преимущественно нужд войны).

Таким образом, вопрос об инфляции был поставлен мировой прессой (Густав Кассель и др.) в эпоху послевоенного кризиса и всяческих хозяйственных потрясений.

По Касселю¹ причинами инфляции могут быть: создание искусственной покупательной силы финансированием расточительных издержек государства, банковским кредитом, характер обложения (если он вызывает усиление кредита) и низкая процентная ставка, не соответствующая реальным сбережениям.

В самом деле. При капиталистической системе хозяйства инфляция характеризует такую фазу развития капитализма, которая ближе всего подходит к состоянию „дуготого“ расцвета.

IV

Критерием здорового денежного обращения является устойчивость ценности денежной единицы. Нам предстоит выяснить, в какой мере обычные показатели обесценения валюты (иначе говоря, инфляции), как-то: иностранный вексельный курс, стоимость золота в бумажно-денежной единице, общий уровень товарных цен, — характеризуют этот процесс в советских условиях истекшего 1927/28 г.

Вексельный курс в условиях монополии внешней торговли и госкредита есть расчетная категория, и движение его ни в какой мере не является показателем инфляции, ибо покупательная сила на внутреннем рынке может сильно расходиться с курсом иностранной валюты, который регулируется Госбанком в направлении удержания паритета.

Динамика оптового (общего) индекса не дает оснований говорить об инфляции, так как оптовые цены регулируются и не могут,

¹ „Проблемы мирового денежного обращения“.

как при свободном ценообразовании, произвольно колебаться, следуя за изменениями денежной массы в обращении. По существу же в 1927/28 г. наблюдается снижение оптового индекса на 2,3% к предыдущему году, а в 1926/27 г. было снижение на 5,4%.

Однако, как следует отнестись к повышению розничного бюджетного индекса на 1,1% в 1927/28 г. (в том числе сельскохозяйственная часть +3,7% и промышленная часть -3,8%)? В 1926/27 г. он дал повышение всего лишь на 0,3% (в том числе сельскохозяйственная часть +0,9% и промышленная часть -4,4%).

Бюджетный индекс, регистрирующий закупки в кооперации, госторговле и на частном рынке, показал в среднем по СССР в 1926/27 г. по кварталам следующий удельный вес закупок на частном рынке: I квартал - 32,6%; II - 30,9%; III - 34,9% и IV - 28,9% (по справке НКТруда); остальное падает на кооперацию и госторговлю. За 1927/28 г. сгруппированные данные имеются только на I квартал, при чем только по Москве; здесь удельный вес закупок на частном рынке составляет 16,4% в январе; 15,4% в феврале и 14,5% в марте. В каком направлении продолжалась эта динамика?

Если недостаток товаров мог способствовать повышению закупок дефицитных товаров на частном рынке по вздорожавшим ценам, что должно было при прочих равных условиях способствовать повышению бюджетного индекса, то, с другой стороны, систематически продолжавшееся вытеснение частной торговли кооперацией и госторговлей должно было действовать в обратном направлении. Если же взять динамику бюджетного индекса по 33 товарам (без квартирной платы), то в 1927/28 г. в процентах к предыдущему году она показывает повышение всего на 0,7% и снижение в 1926/27 г. на 1,3%. Подобное повышение бюджетного индекса (при повышении сельскохозяйственных и снижении промышленных цен) не свидетельствует о всеобщем росте цен, а потому не может быть показателем инфляции.

Что касается повышения частного розничного индекса (в процентах к предыдущему году на +6,4%; в том числе сельскохозяйственный индекс +21,8% и промышленный -2,4%), то само по себе оно не является показателем "инфляции". Оно могло быть таковым лишь в случае всеобщего и стремительного роста цен и повышения роли частного сектора в народнохозяйственной жизни страны, что не замедлило бы отразиться на резком повышении динамики товарных цен на всех стадиях ценообразования, чего мы в действительности не наблюдаем.

Вскрытие основных причин, лежащих в основе повышения частного индекса цен (повышение сел.-хоз. цен, давление зажиточных и кулацких слоев деревни на расценку товаров в сторону их повышения, элементы товарного голода и т. п.), приводит нас непосредственно к существу вопроса.

Повышение частного индекса, происходящее в условиях неуклонного падения роли частного сектора в народнохозяйственной жизни страны, лишь в самой незначительной степени основано на явлениях денежного рынка, а потому не тождественно с явлением инфляции.

Также, следует отвести тот взгляд, который полагает, что товарный голод — "нет товаров, есть деньги" — сам по себе есть показатель и источник инфляции.

Такое утверждение исходит из представлений, что товарный голод есть "дефицитность всех товаров" и что государственное регулирование денежного обращения оказывается неуспешным и невозможным вследствие того, что положение народного хозяйства "непрестанно порождает инфляцию" (потребность в капитальном строительстве при отсутствии капиталов; напряженность госбюджета, заставляющая привлекать кредитную систему к покрытию потребностей по существу бюджетного характера и т. п.)

Как обстоит дело в действительности?

При анализе истекшего 1927/28 г. обнаруживается крупный рост товарооборота, примерно, в 22—23% против 18—19% в 1926/27 г., и известное смягчение товарного дефицита против 1926/27 г. Усиление напряжения на рынке средств производства и в особенности на продовольственном (хлебном, овощном, жировом) при одновременном улучшении в предложении промышленных товаров широкого потребления, ни в какой мере не свидетельствует "о дефицитности всех товаров".

Другими словами, элементы товарного голода, сами по себе, не могут быть источником инфляции. На ряду с этим, поскольку нами выше была уже доказана необоснованность взгляда, считающего, что темп реконструкции, взятый партией, "непрестанно порождает инфляцию", — отпадает и значимость утверждения о невозможности и неуспешности регулирования денежного обращения. Как раз возможность регулирования денежного обращения является одним из самых сильных и далеко идущих орудий нашего планирования всего хозяйства в целом.

В истекшем году, как и в прошлые годы, регулирование денежного обращения дало свои реальные результаты. Так, например, за два последних года происходит следующий прирост денежной массы: +337 млн. руб. за 1926/27 г. и +343 млн. руб. за 1927/28 г.

Особенно важны не абсолютные цифры денежной массы, а соблюдение темпа возрастания ее. Об известном согласовании темпов роста денежной массы и товарооборота (оговаривая все относительное значение такого сопоставления) свидетельствуют следующие показатели. Если взять средне-годовую денежную массу, то темп прироста ее для 1926/27 года составит 16,6%, а для 1927/28 г. — 20,8%.

Темп роста товарооборота (в ценах соответствующего года) дает 18,9% и 23,6%.

Наша эмиссионная политика исходила не из „скрытого желания использовать инфляцию, как метод накопления“ (Кистенев, „Финансы и народное хозяйство“, № 43), а детерминировалась факторами денежного и товарного рынка, общими потребностями наличного оборота и необходимостью обеспечения бескризисного развития нашего хозяйства.

В этой связи необходимо сделать еще одно замечание, тесно связанное с вопросом о причинах товарного голода и мерах борьбы с ними.

Наша эмиссионная политика исходила не из „скрытого желания использовать инфляцию, как метод накопления“ (Кистенев, „Финансы и народное хозяйство“, № 43), а детерминировалась факторами денежного и товарного рынка, общими потребностями наличного оборота и необходимостью обеспечения бескризисного развития нашего хозяйства.

В этой связи необходимо сделать еще одно замечание, тесно связанное с вопросом о причинах товарного голода и мерах борьбы с ними.

Наша эмиссионная политика исходила не из „скрытого желания использовать инфляцию, как метод накопления“ (Кистенев, „Финансы и народное хозяйство“, № 43), а детерминировалась факторами денежного и товарного рынка, общими потребностями наличного оборота и необходимостью обеспечения бескризисного развития нашего хозяйства.

Покупательная сила червонца	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
По оптовому индексу ЦСУ:				
Тотальному	5,58	5,39	5,70	5,83
Сельскохозяйственному	5,99	5,84	6,39	6,39
Промышленному	5,20	4,98	5,08	5,33
По розничному индексу ЦСУ:				
Тотальному	4,83	4,61	4,83	4,83
Сельскохозяйственному	5,59	5,00	5,21	4,78
Промышленному	4,41	4,37	4,61	4,83

Таким образом, покупательная сила червонца по розничному индексу (тотальному) дает стабильность, а по оптовому — повышение (при систематическом повышении по обоим индексам промышленного суб'индекса).

Настоящий темп изменения покупательной силы рубля совершенно не свидетельствует об опасности инфляции, ибо при наличии последней падение покупательной силы денег происходило бы самым форсированным темпом и по отношению ко всем товарам. Однако, это не исключает необходимости всемерного наблюдения за колебаниями покупательной силы рубля и укрепления его.

Недостаточная изученность процесса социального распределения денежной массы не позволяет с достаточной обоснованностью установить, в какой мере деньги являются орудием сбережения. Если взять денежное накопление населения (сберкассы, займы, вклады, самообложение), то оно растет из года в год, и в истекшем году, несмотря на то, что процессы денежного накопления деревни развиваются менее интенсивно, дало рост больше чем на 40% по сравнению с предшествующим годом. Это чрезвычайно важно, ибо оно в первую очередь свидетельствует о том, что нет бегства от червонца, нет инфляции, как нарушения оптимального соотношения между накоплением и потреблением, а есть устойчивая денежная единица.

В итоге надо отметить, что отрицательные явления, имевшие место в истекшем году в отдельных сферах хозяйственной жизни не отразились на регулировании денежного обращения и покупательной силы рубля в масштабах, опасных для инфляции, так как они происходили в условиях не возрастания, а снижения удельного веса и значения частного сектора.

V

Представители направления, считающего, что у нас нет еще инфляции, но есть угроза ее на 1928/29 хозяйственный год, обычно мотивируют свои соображения следующим образом: хозяйственный план на 1928/29 год по контрольным цифрам Госплана сверстан с величайшим напряжением. Финансовый план сведен с меньшим напряжением. Возможны прорывы отдельных хозяйственных планов: остановка капитального строительства, срыв и невыполнение заданного высокого темпа снижения себестоимости, дальнейшее повышение цен и т. п. Следовательно, в таких случаях неизбежен будет прорыв равновесия финансовой системы. Все это ставляет при проектировке по контрольным цифрам дальнейших выпусков эмиссии (до 300 млн. руб.) угрозу инфляции.

В самых общих чертах остановимся лишь на основных положениях этих утверждений.

Проф. Кистенев в „Контрольных цифрах по банковскому кредиту на 1928/29 г.“ („Финансы и народное хозяйство“, № 43) считает, что инфляция „не проходит для страны даром“, на что указывают

расстройство товарооборота, прошлогодний кризис хлебозаготовок, прекращение хлебного экспорта после 3 урожаев и затруднения в снабжении городов продовольствием⁴.

Из процитированного можно сделать только один вывод: последствия инфляции настолько велики и глубоки, что лечить их можно только методами дефляции.

Последние общеизвестны (по Густаву Касселю), они следующие: 1) ограничение ссудной деятельности; 2) повышение банковского процента; 3) высокие налоги; 4) высокая программа реализации займов и 5) понижение общего уровня цен.

В этой связи наши финансисты—сторонники политики дефляции предлагают в первую очередь сокращение эмиссии на 1928/29 г.

Излишне доказывать, что нашей задачей является обеспечение устойчивости валюты, здесь возникает только вопрос—какими методами наиболее целесообразно это провести. Во всяком случае, дефляционная политика не имеет под собою никаких оснований.

Взаимозависимость отдельных явлений хозяйственной жизни приводит к тому, что любое сравнительно небольшое изменение в них обнаруживается во всех частях и соотношениях финансовой системы. В этом смысле отдельные финансовые планы больше, чем когда бы то ни было, должны быть связаны между собою и с планами отдельных отраслей производства, чтобы вместе составлять единый хозяйственный план.

Говоря о равновесии финансовой системы, надо иметь в виду взаимную связь следующих элементов ее: устойчивости валюты, реальности бюджета, ликвидности кредита и финансовой напряженности отдельных отраслей народного хозяйства. Возможное нарушение равновесия финансовой системы в 1928/29 г. скорее всего, как утверждают в таком случае, начнется с колебания устойчивости валюты.

Невыполнение решений XV съезда партии о повышении покупательной способности рубля в истекшем году со всей настоятельностью ставит перед нами задачу: обеспечить системой мероприятий этот курс, взятый на ближайшее пятилетие, и во всяком случае обеспечить в 1928/29 г. удержание покупательной силы рубля на существующем уровне. Именно обеспечение устойчивости денежной единицы требует дальнейшего непрямого снижения себестоимости продукции промышленности и некоторого понижения отпускных промышленных цен, а также по крайней мере стабильности уровня розничных цен на товары личного потребления в государственной и кооперативной торговле.

Поэтому заявления о невыполнимости заданного темпа снижения себестоимости (не менее чем на 7%) можно расценивать, как игнорирование всей серьезности задачи повышения покупательной силы рубля на ближайший ряд лет.

В связи с изложенным следует еще раз подчеркнуть, что наши принципиальные соображения в отношении факторов, могущих вы-

звать инфляцию, остаются в силе и для 1928/29 г. Предположения контрольных цифр в области процессов обобществления и соотношений социальных секторов в сторону еще большего падения частного сектора,—решающим образом влияют на нашу установку.

Итак, прожитый хозяйственный год, несмотря на имевшие место затруднения, не обнаруживает какой-либо серьезной угрозы устойчивости денежной единицы, а тем более хоть сколько-нибудь существенных признаков инфляции.

Крупные задачи, намечаемые темпы развития, общая напряженность плана на 1928/29 г. ставят перед эмиссионной политикой требования рационального регулирования денежного обращения. На ряду с этим должно иметь место оптимальное использование финансовых методов, регулирующих расширенное воспроизводство народного хозяйства. Должно быть полное согласование между эмиссионной политикой и политикой проведения займов, налогов и т. п. Должно быть максимальное приспособление техники денежной эмиссии к потребностям товарооборота и тех реконструктивных процессов, которые в 1928/29 г. ставят на очереди усиление влияния обобщественного сектора на крестьянский в виде все большего развития контрактиции, авансов и т. п.

Задача регулирования денежной эмиссии является кардинальной, преследующей охрану денежной и равновесие финансовой системы в целом.

В эпоху же социалистической реконструкции проблемы финансового равновесия, обуславливающего здоровое развитие народного хозяйства, приобретают новое значение: перед устойчивой валютой, как основой равновесия, стоит задача содействия процессу социалистической перестройки хозяйственных отношений.

Вся обстановка и политика партии исключают у нас инфляцию. Здесь нужен не пассивно-созерцательный подход, а активно действенный. Усилия должны быть направлены „к сохранению покупательной силы червонца, величайшей продуманности эмиссионных и кредитных планов при всемерном развитии экспорта“...¹

Усилия должны быть направлены к разработке системы мероприятий, могущих предотвратить явление инфляции в самом его корне, если оно действительно этого требует.

Отсюда все это связано „с основной задачей партии, ее генеральной линией на дальнейшую индустриализацию страны“, на увеличение продуктивности хозяйства, максимально высокое и эффективное использование наших производительных сил, „на возможно более быстрый рост социалистического сектора народного хозяйства, на кооперирование крестьянства, рост коллективных форм сельскохозяйственного производства (колхозы, совхозы) и т. д.“²

¹ Из резолюции Ноябрьского пленума ЦК ВКП(б), ГИЗ, 1928.

² Там же.